

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ

Владимир Меркушин

Проблематика транснациональной организованной преступности и ее проявлений является одной из главных угроз международной и национальной безопасности государств. Она актуализирует вопросы о дальнейшем развитии международного сотрудничества и кодификации международного права, совершенствовании и усилении унификации национальных правовых систем, информационно-технологических ресурсов, достижении приемлемого компромисса по актуальным вопросам прав человека в правоохранительной сфере для стран с различными историко-культурными, религиозными и правовыми традициями.

Эффективное противодействие транснациональной организованной преступности может как послужить одним из стратегических направлений отражения современных угроз безопасности для отдельного государства, так и выступить всеобщей антикриминальной платформой, реализуемой в рамках систем коллективной безопасности.

Уточнение и универсализация статуса негосударственных акторов в международно-правовом поле (в первую очередь, частных военных и охранных компаний, транснациональных корпораций) позволят снизить риски их противоправной (преступной) деятельности и конкурентного доминирования в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах.

Ключевые слова: безопасность государств; борьба с транснациональной организованной преступностью; международные организации; негосударственные акторы; обеспечение безопасности государств; транснациональная организованная преступность.

«On Some Problems of International Legal Regulation of Countering Transnational Organised Crime in the Context of Ensuring the Security of States» (Vladimir Merkushyn)

The problem of transnational organised crime and its forms is one of the main threats to the international and national security of states. It actualises the issues of further development of international cooperation and codification of international law, improvement and strengthening of unification of national legal systems, information and technological resources, achievement of an acceptable compromise on topical issues of human rights in the law enforcement sphere for countries with different historical, cultural, religious and legal traditions.

Effective counteraction to transnational organised crime can serve as one of the strategic directions of reflection of modern security threats, both for an individual state, and act as a universal anti-criminal platform implemented within the framework of collective security systems.

Clarification and universalisation of the status of non-state actors in the international legal field (primarily, private military and security campaigns, transnational corporations) will reduce the risks of their illegal (criminal) activities and competitive dominance in the military-political, economic and humanitarian spheres.

Keywords: ensuring the security of states; fight against transnational organised crime; international organisations; non-state actors; security of states; transnational organised crime.

Современные проблемы, создаваемые транснациональной организованной преступностью, являются актуальными, объективными и представляют реальную угрозу безопасности государств. Наиболее интенсивно они проявляются в условиях глобализации и многовекторности международных отно-

шений, реформирования основных военно-политических и экономических союзов и альянсов, противостояния транснациональных корпораций на международных рынках национальным интересам государств, установления и предотвращения фактов криминальных и некриминальных чрезвычайных

Автор:

Меркушин Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, докторант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: valdshin@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Merkushyn Vladimir — Candidate of Law, Doctorant of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: valdshin@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ситуаций, возникающих в период трансграничных ограничений, постконфликтных и кризисных ситуаций.

Особенно на это влияет необоснованная сдержанность ведущих стран мирового сообщества в постановке и решении действительно первоочередных задач по урегулированию основных проблем безопасности государств, нередко с игнорированием основополагающих принципов и норм международного права, положений Устава и решений ООН.

Именно в таких условиях наибольшие масштабы угрозы, которые представляют собой новые проявления и формы транснациональной организованной преступности международному миру и безопасности государств, требуют адекватного и своевременного реагирования как на международном, так и на национальном уровнях. Среди них внедрение интернациональных сообществ киберпреступников в сферу высоких технологий и информационное пространство, криминальное использование возможностей частных военных и охранных компаний, а также финансово-промышленного потенциала транснациональных корпораций, активное внедрение террористических и экстремистских групп и организаций в международный нелегальный бизнес и пр.

Современными катализаторами данных процессов объективно являются последствия глобального распространения пандемии *COVID-19* (в том числе криминальные — фальсификация медицинской продукции и мошенничество с вакцинами, коррупция в условиях пандемии, угрозы защиты личных данных и неприкосновенности частной жизни в ходе борьбы с пандемией и др.), масштабное увеличение объемов транзита наркотиков из Афганистана и эскалация идеологии исламского фундаментализма, пропагандируемого террористической организацией «Талибан», организация каналов нелегальной миграции после событий «арабской весны» и развязывание конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, потенциальная опасность миграционных потоков из стран Средней Азии, вызванная выходом вооруженных сил стран Организация Североатлантического договора (НАТО) из Афганистана, и пр.

Безусловно, эффективность, своевременность и целесообразность противодействия транснациональной организованной преступности и связанным с ней угрозам являются качественными показателями функционирования системы безопасности каждого государства, основа которой, по мнению профессора С. А. Трахимёнка, — «состояние защищенности либо способность противостоять угрозам» [22, с. 9].

Исходя из этого основной целью настоящей статьи является выработка научно-теоретической позиции автора по некоторым аспектам международно-правового регулирования про-

тиводействия транснациональной организованной преступности в контексте обеспечения безопасности государств.

Необходимо отметить, что сама постановка проблемы была бы невозможна без исследования отечественных и зарубежных авторов, таких как В. И. Берестень [2], Е. Ф. Довгань [3], И. И. Карпец [4], Н. О. Мороз [8], М. Г. Смирнов [19], Е. М. Сорокина [20], В. А. Номоконов [21], С. А. Трахимёнок [22], М. Бассиони [25], Д. Дерби [29], Я. Динштейн [30], Т. Франк [33], Т. Крюсманн [36], Дж. Мюллер, Д. Бешаров [37], Г. Шварценбергер [38] и др.

Бесспорно, что на рубеже XX—XXI вв. организованная преступная деятельность, приобретая международный характер, окончательно вышла за рамки национальных границ и стала представлять объективную, экзистенциальную опасность системе международной безопасности в целом. При этом она успешно сохраняет характер скрытой или латентной угрозы [2, с. 30], которая качественно отличается от других видов международной преступности, в первую очередь, на наш взгляд, за счет своей интегративности в легальные (нелегальные) сферы общественной жизни. Поэтому неслучайно транснациональная организованная преступность представляет собой наиболее сложный объект для научного исследования. В отличие от традиционной организованной преступности, она все еще имеет «более неосозаемый, “виртуальный” характер» [21, с. 27].

Актуальность развития данной проблематики подтверждается еще и тем, что, если после принятия Устава Организации Объединенных Наций в 1945 г. безопасность понимали преимущественно как отсутствие межгосударственных конфликтов (особенно вооруженных), то в последующие годы (особенно в настоящее время) данное понятие существенно стало гораздо шире. Соответственно изменился и спектр угроз международному миру и безопасности, которые уже носят, как отмечает американский профессор Т. Франк, «не межгосударственный, а целенаправленно экспортируемый трансграничный характер» [33, р. 601].

Данная тенденция раскрывается и достаточно подробно исследуется в работах и других известных ученых, которые констатировали (например, Г. Шварценбергер), что международное право имеет своей главной целью защиту мира, безопасности народов, международного правопорядка [см.: 38], а также защиту от наиболее тяжких международных преступлений и от других преступлений международного характера и должно без промедления реагировать на появление новых форм преступности (Дж. Мюллер, Д. Бешаров) [см.: 37].

В связи с этим, по аргументированному мнению других авторов (Д. Дерби [29, р. 35], Я. Динштейна [30, р. 209]), важна детальная

регламентация сущностных характеристик международных преступлений и преступлений международного характера в международных соглашениях, конвенциях и иных актах межгосударственного характера. Это позволит, как отмечает американский профессор М. Бассиони, обеспечить адекватное наказание за совершение данных преступлений при условии эффективного взаимодействия международного уголовного права и национального уголовного законодательства [см.: 25].

Аналогичного подхода придерживались и в советской доктрине международного права. Причем, например, профессор И. И. Карпец утверждал, что международное уголовное право должно строиться на демократических, прогрессивных принципах, выработанных разными системами права. И, главное, оно должно служить укреплению мира и международного сотрудничества государств, делу борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества, преступлениями международного характера, защиты прав и свобод человека [4, с. 246–247].

В последние годы становится очевидным, что безопасность государств, помимо максимальной нейтрализации межгосударственных и внутренних конфликтов, включает и новые функциональные элементы. Среди них, по мнению белорусского эксперта в области международной безопасности, профессора Е. Ф. Довгань, — «восстановление мира после конфликта, предотвращение даже гипотетической возможности конфликта (меры разоружения, контроля за вооружениями, меры по укреплению доверия и безопасности), противодействие новым вызовам и угрозам — борьба с транснациональной преступностью, международным терроризмом, распространением оружия массового поражения» [3, с. 11].

Соглашаясь с высказыванием Е. Ф. Довгань и проецируя ее выводы на исследуемую проблематику, представляется возможным выразить следующее мнение. Безопасность государств также обеспечивается своевременным и эффективным противодействием новым вызовам и угрозам, возникающим в результате чрезвычайных ситуаций, порождающих глобальные ограничения, которые объективно способствуют трансформации и модернизации транснациональной преступности и ее организованных форм, международного терроризма, национального и религиозного экстремизма, приобретающего в современных условиях вооруженный характер.

Особенно восприимчива к данным процессам сфера высоких технологий и информационной безопасности, чему содействуют криминально ангажированные и радикально настроенные интернациональные группы киберпреступников (Н. О. Мороз) [8, с. 1–5], а также сохраняющиеся районы военно-политических противостояний, появление но-

вой категории внутреннего вооруженного конфликта — интернационализированного (М. Г. Смирнов) [19, с. 7], усиленные присутствием организованных преступных групп, различных незаконных вооруженных формирований террористического, экстремистского и националистического содержания.

Небезосновательно в Уставе ООН указано, что поддержание международного мира и безопасности представляет интерес для всего мирового сообщества в целом и, как следствие, является основной целью ООН (преамбула, ст. 1(1) Устава ООН) [23].

На сегодняшний день применительно к рассматриваемой проблематике «основным инструментом в глобальной борьбе с транснациональной организованной преступностью» [36, р. 24] является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [6] (далее — Конвенция) и три дополнительных протокола к ней, ратифицированные Республикой Беларусь: Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему [13], Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [14] и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [15].

Основная цель Конвенции — содействие эффективному сотрудничеству в деле предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней (ст. 1) и углубление понимания факта существования, причин и опасного характера транснациональной организованной преступности, а также создаваемых ею угроз (ст. 31 (5)) [7].

Бангкокская декларация ООН «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» (далее — Декларация), принятая на XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, Таиланд, 18–25 апреля 2005 г.), развила и актуализировала положения Конвенции [1].

В Декларации подчеркивалась уязвимость стран, выходящих из конфликтов, особенно перед лицом преступности, в частности организованной преступности и коррупции. Государствам-членам, региональным организациям и международным органам, таким как *Управление ООН по наркотикам и преступности*, в сотрудничестве с *Департаментом операций по поддержанию мира Секретариата ООН* и другим соответствующим учреждениям настоятельно рекомендовалось принимать более эффективные меры по решению этих проблем в целях восстановления, укрепления или поддержания правопорядка и отправления правосудия в постконфликтных ситуациях [1].

В Декларации выражалась также глубокая обеспокоенность распространением и масштабами транснациональной организованной преступности, в том числе незаконного оборота наркотиков, отмывания денег, торговли людьми, незаконного ввоза мигрантов, незаконного оборота оружия, а также терроризма, и любыми существующими связями между ними, а также все большей изоэтрностью и диверсификацией деятельности организованных преступных групп [1].

На последнем, прошедшем в 2020 г., XIV Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, главной темой которого стала «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечение верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня на период до 2030 г.», отмечалось, что «*преступность, включая ее новые и появляющиеся формы, и терроризм являются современными факторами отсутствия безопасности, а в некоторых случаях политической нестабильности*». При этом участникам форума предлагалось уделить должное внимание «...укреплению международного сотрудничества и созданию потенциала в целях преодоления этих угроз» [18].

Позицию ООН в борьбе с новыми вызовами и угрозами, в качестве которых рассматривается транснациональная организованная преступность и смежные с ней виды преступности (коррупция, легализация денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, киберпреступность и международный терроризм), активно поддерживают иные универсальные и региональные международные организации: Интерпол, ЕАГ, Европейский союз, ЕврАзЭС, СНГ, ОБСЕ, ОДКБ, ФАТФ, ШОС и др.

Так, проблематика транснациональной организованной преступности и новых вызовов и угроз — это перманентная сфера интересов универсальной Международной организации уголовной полиции (Интерпол). На сегодняшний день она выражается в осуществлении *Глобальной стратегии борьбы с организованной и развивающейся преступностью (2016—2020 гг.)*, которая обязывает государства-члены решать две важнейшие задачи: 1) выявлять и ликвидировать транснациональные криминальные сети; 2) идентифицировать, исследовать и реагировать на новые криминальные вызовы и угрозы. При этом определяются четыре ключевых направления их реализации: 1) идентификация (выявление) преступных сетей; 2) незаконный оборот и нелегальные рынки; 3) соучастие в преступлениях и объединение криминальных сфер влияния; 4) незаконные потоки денег и активов [34].

Региональные международные организации, согласно положениям главы VIII Устава ООН, также солидаризируются в противодей-

ствии новым вызовам и угрозам, напрямую затрагивающим национальные интересы в сфере безопасности государств-членов [23].

В частности, для стран, входящих в Европейский союз (далее — ЕС), это одна из принципиально новых, впервые получившая юридическое закрепление среди структурных компонентов ЕС, «третья опора», официально именуемая *сотрудничеством в области правосудия и внутренних дел (СПВД)* (разд. VI Маастрихтского договора «Положения о сотрудничестве в области правосудия и внутренних дел», вступившего в силу 1 ноября 1993 г.) [см.: 20, с. 29]. Она была детализирована с принятием Амстердамского договора 1997 г., вступившего в силу 1 мая 1997 г. Амстердамский договор ввел новую правовую категорию «пространство свободы, безопасности и правосудия» и предпринял ряд мер по реформированию компетенции ЕС. В результате в рамках «третьей опоры» сохранились исключительно вопросы сотрудничества полиции и судебных органов в уголовно-правовой сфере (СПСО, дословно — «полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам») [20, с. 32]. В настоящее время одним из направлений реализации СПСО и в то же время закрепления интересов ЕС в рамках военно-политической безопасности является борьба с новыми вызовами и угрозами — международным терроризмом, транснациональной преступностью, распространением оружия массового уничтожения, нелегальной миграцией с уделением, однако, особого внимания последней группе [3, с. 190; 35, р. 11—23], которая будет рассмотрена более подробно.

Другим индикативным примером достаточно эффективного регионального сотрудничества может послужить деятельность (в первую очередь, программная) стран — участниц Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), которая основывается на статье 4 Устава СНГ от 22 января 1993 г. В нем указывается, что к сферам совместной деятельности государств-членов, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты в соответствии с обязательствами, принятыми государствами-членами в рамках Содружества, относится *борьба с организованной преступностью* [см.: 24].

Указанная деятельность наиболее системно осуществляется в срочных межгосударственных программах *совместных мер борьбы с преступностью*. В настоящее время идет реализация новой *Межгосударственной программы совместных мер по борьбе с преступностью на 2019—2023 годы* (далее — Программа), утвержденной решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. Определяя целью дальнейшее совершенствование сотрудничества государств-участников и органов СНГ в борьбе с преступностью, Программа в качестве одной из важнейших задач устанавливает обе-

спечение общественной безопасности и включает в себя мероприятия по противодействию трансграничной преступности во всех формах ее проявления, а также по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий (ранее такие мероприятия исполнялись в соответствии с отдельными программами сотрудничества государств — участников СНГ) [11].

Вместе с тем реализация международного сотрудничества (как на универсальном, так и на региональном уровнях) сопряжена с решением некоторых проблемных вопросов.

В первую очередь следует определить круг субъектов, способных как образовывать региональные организации, так и быть их участниками, особенно в сфере безопасности и борьбы с преступностью согласно положениям главы VIII Устава ООН. Здесь стоит назвать негосударственных акторов — *транснациональные корпорации, частные военные и охранные компании, а также международные неправительственные организации*. Их участие, с одной стороны, не противоречит статье 2(а) Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г. (предусматривает среди возможных учредителей международных организаций как государства, так и прочих субъектов [31, р. 15], не конкретизируя их состав [32, р. 65]). С другой стороны, возвращаясь к содержанию главы VIII Устава ООН, их участие представляется не вероятным, а, по мнению Е. Ф. Довгань, еще и сомнительным по причине того, что «они не могут нести ответственность за нарушение норм международного права... могут играть лишь вспомогательную роль в сфере поддержания международного мира и безопасности... их вовлечение происходит опосредовано — через субъекты международного права, которые принимают на себя ответственность и риски, связанные с деятельностью негосударственных субъектов» [3, с. 34]. Так, например, американская частная военная и охранная компания «*DynCorp*» была подрядчиком ООН в гуманитарных миссиях в Сомали и Гаити в 1992 и 1994 гг. соответственно [7, с. 8].

В настоящее время прямое или косвенное использование ресурсов частных военных и охранных компаний осуществляется в 12 миротворческих операциях, проводимых под руководством Департамента миротворческих операций ООН [9], несмотря на ряд нареканий со стороны государств по поводу вольного превышения их полномочий. Кроме того, высказываются объективные замечания и в отношении транснациональных корпораций, которые осуществляют свою деятельность в качестве приоритетной в развивающихся странах (например, Центральноафриканской Республике, Мали, а также в некоторых странах Ближнего Востока, Южной Азии и Латинской Америки), нередко сопровождая ее грубейши-

ми нарушениями гуманитарного развития, экологических стандартов и вмешательством во внутренние дела государств [39, р. 5—6]. Особо известна аналогичными нарушениями американская корпорация «*Halliburton*», заключившая контракты с правительством Ирака по восстановлению инфраструктуры страны в военный и постконфликтный периоды [26].

Фокусируясь на рассматриваемой проблематике, экстраполируем высказывание Е. Ф. Довгань [3, с. 33—34] на вопросы о возможности криминализации содействия (прямо или косвенно) транснациональным преступным группам на канале организованной (нелегальной) миграции (контрабанде людей) со стороны некоторых международных неправительственных организаций (далее — МНПО), проводящих гуманитарные поисково-спасательные операции — *SAR (Search and Rescue)* в Средиземноморье.

Речь идет, по мнению австрийского ученого Т. Крюссманна, о де-факто своеобразной «бизнес-модели» контрабанды людей и несанкционированном проведении *SAR* в данном регионе, «обеспечивающих» каналы контрабанды людей [36, р. 28]. Другими словами, в случае неудачи перемещения нелегальных мигрантов собственно преступными группами контрабандистов экипажи *SAR* выступают своеобразным страховочным звеном, увеличивая шансы спасения жертв контрабанды людей и их доставки в страны ЕС для получения убежища.

Согласно Протоколу против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (далее — Протокол ООН), дополняющему Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (п. 2 ст. 6), допускается криминализация покушения на совершение какого-либо преступления, признанного таковым согласно пункту 1 статьи 6 Протокола (незаконный ввоз мигрантов, совершение деяний в целях создания условий для незаконного ввоза мигрантов, изготовление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности, и др.), а также пособничества, подстрекательства, включая и участие в качестве сообщника (пп. 2(а)—(с) ст. 6) [15].

Хотя на сегодняшний день конкретных фактов взаимодействия представителей МНПО и транснациональных преступных групп, занимающихся контрабандой людьми, не установлено, тем не менее, Т. Крюссманн допускает возможность привлечения к уголовной ответственности таких организаций и их экипажа на борту судна «за действия в молчаливом согласии с контрабандистами» [36, р. 29]. В своих суждениях автор основывается на действующем миграционном законодательстве ЕС в соответствии с Протоколом ООН, а именно документах от 28 ноября 2002 г.: директиве Совета 2002/90/ЕС, определяющей облегчение несанкционированного въезда, транзита и проживания (*Директива посредников*)

[27], и Рамочном решении 2002/946/ЈНА Совета об укреплении уголовно-правовой базы для предотвращения содействия несанкционированному въезду, транзиту и проживанию (*Рамочное решение координаторов*) [28]. Особенность директивы 2002/90/ЕС состоит в том, что в ней подробно рассматривается содержание понятия «преднамеренное содействие» — получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду, вытекающую из Протокола ООН. Однако в случае непосредственного содействия (не опосредованного преступным сговором) незаконному въезду мигрантов намерения получить какую-либо выгоду больше не требуется. Это делает, как справедливо отмечает Т. Крюссманн, любую гуманитарную миссию проведения SAR потенциально уголовно наказуемой [36, р. 29].

Можно сказать, что отчасти эту проблему решает пункт 2 директивы Совета 2002/90/ЕС, закрепивший положение о том, что государства-члены могут по желанию исключить уголовную ответственность в случае проведения миссий по оказанию гуманитарной помощи. Вместе с тем миграционное законодательство ЕС выходит за рамки минимальных требований для криминализации Протокола ООН (ст. 6) и допускает криминализацию стимулирующего поведения, которое не основано на заговоре и не совершается с намерением получить финансовую или иную материальную выгоду. Это вызвано, на наш взгляд, в большей степени обеспокоенностью вопросами национальной безопасности и защиты суверенитета стран ЕС и в меньшей степени проблемами оптимизации обеспечения прав человека в гуманитарно-миграционной сфере.

Надо отметить, что более согласованная позиция (в первую очередь за счет сбалансированной имплементационной и кодификационной работы) по вопросам безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам транснациональной организованной преступности, а также прочим видам преступлений выработана между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. Об этом свидетельствуют единые законодательные подходы в формировании основ национальной безопасности России и Беларуси.

В частности, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г. определяет среди угроз национальной безопасности терроризм, экстремизм и иные виды транснациональной организованной преступности (ст. 43). При этом одним из приоритетных направлений обеспечения безопасности Республики Беларусь в политической сфере является организация эффективной борьбы с преступностью, а также развитие международного сотрудничества Республики Беларусь по вопросам борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью и иными видами преступлений [10]. Однако в

настоящее время особый акцент делается на противодействие экстремизму и терроризму [12].

Аналогичный, но более интегрированный подход к проблеме транснациональной организованной преступности и релевантно связанных с ней современных вызовов и угроз содержится в новом правовом документе в сфере национальной безопасности — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. [17]. Краткий анализ указанного документа в рамках исследуемой проблематики позволяет констатировать следующее. В разделе II «Россия в современном мире: тенденции и возможности» акцентируется внимание на проблемах реализации важных направлений многостороннего сотрудничества государств, среди которых борьба с наркобизнесом и организованной преступностью (п. 18). Кроме того, заслуживает особого внимания закрепление в разделе IV «Обеспечение национальной безопасности» (п. 47) специальных практических задач: реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления (подп. 12); предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности (подп. 13); предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использования в противоправных целях цифровых валют (подп. 11); выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (подп. 15); противодействия незаконной миграции (подп. 16).

Перечисленные задачи транслируются в сферу достижений внешней политики Российской Федерации в целях стратегической стабильности и взаимовыгодного сотрудничества. Так, в пункте 101 (подп. 25) прямо указывается такая ее составляющая, как «развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной миграции, трансграничной преступности» [11].

Продемонстрированная идентичность указанных подходов в национальных законодательствах России и Беларуси была предопределена историко-интегративными предпосылками и нашла отражение в положениях Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» [16]. В нем в качестве основных целей и принци-

пов Союзного государства были определены обеспечение безопасности и борьба с преступностью (ст. 2). К совместному ведению Союзного государства и государств-участников, в частности, отнесены борьба с терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков и другими видами преступлений (ст. 18).

В целом заключение данного Договора создало для сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации благоприятную возможность успешно решать важные для обоих государств задачи оборонного и правоохранительного характера [5, с. 4]. Хотя высказываются мнения, в большей своей части небезосновательные, что реализация данных установок более очевидна, ресурсно обеспечена и практически прогрессивна в рамках СНГ и ОДКБ.

Таким образом, рассмотренная проблематика в сфере противодействия транснациональной организованной преступности и урегулирования современных аспектов безопасности государств ставит вопросы о дальнейшем развитии международного сотрудничества и кодификации международного права, поэтапном совершенствовании, унификации национальных правовых систем и информационно-технологических ресурсов в данной сфере, а также выработке универсальной инте-

грированной технологии (методики) противодействия транснациональным преступлениям (особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, в сфере высоких технологий и информационной безопасности).

В итоге решение данного вопроса может не только стать эффективным отражением современных угроз безопасности в рамках отдельного государства, но и выступить всеобщей платформой создания единого информационно-правового антикриминального пространства на региональном и универсальном уровнях, достижения приемлемого компромисса по актуальным вопросам прав человека в социально-гуманитарной сфере для стран с различными историко-культурными, религиозными и правовыми традициями.

Представляется целесообразной более предметная международно-правовая регламентация статуса транснациональных корпораций и частных военных и охранных компаний, которая позволит снизить риски их противоправного участия (присутствия) в районах различных вооруженных столкновений и конфликтов, в ходе осуществления гуманитарных миссий в регионах в ситуациях, осложненных последствиями чрезвычайных ситуаций и посткризисным восстановлением, а также при проведении антикриминальных и контртеррористических операций.

Список использованных источников

1. Бангкокская декларация ООН «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия»: принята на XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, Таиланд, 18–25 апр. 2005 г.) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration.shtml>. — Дата доступа: 30.08.2021.
2. Берестень, В. И. Организационно-правовые основы противодействия транснациональной организованной преступности / В. И. Берестень, О. В. Синько. — Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2009. — 228 с.
3. Довгань, Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности / Е. Ф. Довгань. — Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. — 262 с.
4. Карпец, И. И. Преступления международного характера / И. И. Карпец. — М.: Юрид. лит., 1979. — 264 с.
5. Комментарий к Закону «О Государственной границе Республики Беларусь» / под общ. ред. А. А. Павловского, В. Ф. Ермоловича. — Минск: Амафеев, 2003. — 512 с.: ил.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 15 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml>. — Дата доступа: 30.08.2020.
7. Логунов, А. Зарубежные негосударственные субъекты военно-политических отношений в XXI веке / А. Логунов // Зарубеж. воен. обозрение. — 2006. — № 3 (708). — С. 2–11.
8. Мороз, Н. О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Н. О. Мороз; БГУ. — Минск, 2014. — 23 с.
9. На карте мира [Электронный ресурс] // Операции ООН по поддержанию мира. — Режим доступа: <<https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate>>. — Дата доступа: 10.09.2021.
10. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
11. О Межгосударственной программе совместных мер по борьбе с преступностью на 2019–2023 годы: решение Совета глав государств СНГ от 28 сент. 2018 г., г. Душанбе [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5863>>. — Дата доступа: 11.09.2021.
12. О мерах по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 4 июня 2021 г. № 1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
13. О присоединении Республики Беларусь к Протоколу против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющему Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 4 авг. 2004 г. № 312-З [Электронный ресурс] // Там же.

14. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 3 мая 2003 г. № 197-З [Электронный ресурс] // Там же.
15. О ратификации Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Закон Респ. Беларусь от 3 мая 2003 г. № 196-З [Электронный ресурс] // Там же.
16. О создании Союзного государства: Договор между Российской Федерацией и Респ. Беларусь от 8 дек. 1999 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2021.
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Там же.
18. Руководство для дискуссий: док. ООН A/CONF.234/PM.1 // Четырнадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию, Киото, Япония, 20–27 апр. 2020 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CONF.234/PM.1>>. — Дата доступа: 30.08.2021.
19. Смирнов, М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект / М. Г. Смирнов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — 208 с.
20. Сорокина, Е. М. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском союзе / Е. М. Сорокина. — М.: Юстицинформ, 2018. — 252 с.
21. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность / под общ. ред. В. А. Номоконова. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — 375 с.
22. Трахимёнок, С. А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты / С. А. Трахимёнок. — Минск: Хата, 1997. — 192 с.
23. Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>>. — Дата доступа: 30.08.2020.
24. Устав Содружества Независимых Государств от 22 янв. 1993 г. // Действующее международное право. В 3 т. Т. 1 / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. — М.: Изд-во Москов. независим. ин-та междунар. права, 1996. — С. 719–732.
25. Bassioni, M. Ch. Characteristics of International Criminal Law Conventions / M. Ch. Bassioni // International Criminal Law. Vol. 1. — N.Y., 1986. — P. 1–11.
26. Corbin, J. BBC uncovers lost Iraq billions / J. Corbin [Electronic resource] // BBC news. — 10.06.2008. — Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/7444083.stm>. — Date of access: 17.09.2021.
27. Council directive 2002/90/EC of 28 Nov. 2002 defining the facilitation of unauthorised entry, transit and residence [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002L0090&from=EN>>. — Date of access: 26.08.2021.
28. Council framework decision of 28 November 2002 on the strengthening of the penal framework to prevent the facilitation of unauthorised entry, transit and residence (2002/946/JHA) [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32002F0946>>. — Date of access: 26.08.2021.
29. Derby, D. H. A. Framework of International Criminal Law / D. H. A. Derby // International Criminal Law. Vol. 1. — N.Y., 1986. — P. 34-35, 56–58.
30. Dinstein, Y. International Criminal Law / Y. Dinstein // Israel Law Review. — 1985. — Vol. 20, N 2-3. — P. 206–242. (<https://doi.org/10.1017/S0021223700017635>)
31. Draft articles on responsibility of international organizations, 2011 [Electronic resource] // United Nations Office of Legal Affairs. — Mode of access: <https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_11_2011.pdf>. — Date of access: 23.08.2021.
32. Draft articles on responsibility of international organizations, with commentaries, 2011 [Electronic resource] // United Nations Office of Legal Affairs. — Mode of access: <https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_11_2011.pdf>. — Date of access: 23.08.2021.
33. Frank, T. M. Collective Security and the UN Reform: Between the Necessary and Possible / T. M. Frank // Chicago Journal of International Law. — 2006. — Vol. 6, N 2. — P. 597–611.
34. Global Strategy on Organized and Emerging Crime [Electronic resource] // INTERPOL. — Mode of access: <<https://www.interpol.int/content/download/5582/file/Global%20Strategy%20on%20Organized%20and%20Emerging%20Crime.pdf>>. — Date of access: 09.09.2021.
35. Joint Report to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Report of the Implementation of the European Neighbourhood Policy Review: Doc. JOIN(2017) 18 final. Brussels, 18.05.2017 [Electronic resource] // Access to European Union law. — Mode access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017JCO018&from=EN>>. — Date of access: 13.09.2021.
36. Kruessmann, T. Human rights in combating organised crime and the problem of «illegal» migration in Europe / T. Kruessmann // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. — 2020. — № 3. — С. 24–29.
37. Mueller, G. O. W. Evolution and Enforcement of International Criminal Law / G. O. W. Mueller, D. J. Besharov // International Criminal Law. Vol. 1. — N.Y., 1986. — P. 59–64.
38. Schwarzenberger, G. The Problem of an International Criminal Law / G. Schwarzenberger // Current Legal Problems. Vol. 3. — London, 1950. — P. 1–19.
39. Woters, J. Multinational Corporations in International Law: KU Leuven working paper N 129, Dec. 2013 / J. Woters, A-L. Chané [Electronic resource] // SSRN. — Mode of access: <<https://doi.org/10.2139/ssrn.2371216>>. — Date of access: 17.09.2021.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2020 г., доработана в сентябре 2021 г.